

EDN: KCGUOM

УДК 1(091)

Анализ спиритизма в философском творчестве Николая Страхова

Снетова Нина Васильевна

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Пермский государственный медицинский университет им. Е. А. Вагнера.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-5935-7168. E-mail: snetova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам философии науки и критике мировоззренческих и методологических оснований спиритизма в творчестве русского мыслителя второй половины XIX века Н. Н. Страхова. Несмотря на то что в последние годы появилось довольно много статей и три монографии, посвященных творчеству русского философа, тем не менее, продолжают существовать различные оценки его философских воззрений.

С 90-х годов превалирует оценка мыслителя как религиозного философа. Однако его философские взгляды непоследовательны, и их невозможно определить однозначно. В частности, философия науки занимает важное место в творчестве Страхова. Эти идеи разрабатывались мыслителем с научных, философских, а не религиозных позиций, что показано в данной статье на примере его анализа и критики спиритизма. Увлечения мистицизмом, спиритуализмом характерны и для нашего времени, поэтому тема критики спиритизма является весьма актуальной.

Н. Н. Страхов рассматривает обоснование спиритизма в статьях таких известных ученых, как А. М. Бутлеров и Н. П. Вагнер. Их авторитет в науке способствовал укреплению спиритизма в России. В статье показывается, что Страхов верно выделил основания медиумизма у Бутлерова и Вагнера и убедительно продемонстрировал их несостоятельность с научной точки зрения. Оба естествоиспытателя ставили цель показать, что медиумические явления есть научный факт, а это, по их мнению, означает, что духовная сила действует самостоятельно, независимо от материальных тел, следовательно, объективно существует особый духовный мир. Страхов показал, что эти явления невозможны с научной точки зрения, ибо противоречат законам науки. В статье подчеркивается, что русский философ поднял критику спиритизма на научный уровень и определил его как псевдонаучное учение.

Ключевые слова: история русской философии, философия науки, методология, Н. Н. Страхов, критика спиритизма.

За последние 35 лет в историко-философской науке сделано довольно много для полноты представлений о развитии отечественной философии. Изданы сочинения русских мыслителей, не публиковавшиеся с 20-х годов XX века, исследовано и исследуется творчество забытых в советское время философов. Однако в то же время произошел крен в противоположную сторону – все вышеописанное относится к религиозной отечественной философской мысли в ущерб исследованию ее материалистической линии развития. Если исходить из научного принципа объективности, то более полную и всестороннюю картину может обеспечить *интегральный* подход, предполагающий включение в отечественную философию всей многообразной палитры учений и концепций, бытовавших в России. Ныне часто можно прочесть и услышать мнение, что русская философия – это религиозная философия; материалистической мысли либо отказывается в философском статусе, либо заявляется, что она абсолютно не оригинальна и есть чистый повтор западной философии. Такой довольно односторонний, упрощенный подход в результате закрывает путь к адекватным оценкам отечественных мыслителей, особенно тех, чье творчество внутренне противоречиво, не может быть оценено однозначно. К таким философам относится Николай Николаевич Страхов (1828–1896). Поэтому ныне среди историков отечественной философской мысли можно встретить противоположные точки зрения по поводу его творчества, но по большей части Страхов, особенно в публицистике, рассматривается все-таки как религиозный философ [см.: 2, 3].

Однако при исследовании всего корпуса трудов невозможно однозначно определить его таким образом хотя бы потому, что мыслитель обращался почти ко всем областям философского знания. Большое место в страховском творчестве занимает философия науки, в которой проблемы рассматриваются не с религиозных, а с чисто философских позиций с привлечением естественно-научного материала. Если идентифицировать его философию как религиозную, то, по крайней мере, эту часть взглядов будет трудно объяснить.

Среди негативных оценок наследия мыслителя называются эклектизм и множество влияний. В то же время при внимательном изучении его работ в них можно найти оригинальные, но концептуально не оформленные идеи. Такой оригинальной, самостоятельной работой является книга «О вечных истинах. Мой спор о спиритизме».

Люди, не обремененные научными знаниями, руководствующиеся в жизни обыденным мировоззрением, обычно испытывают интерес к таинственному и мистическому. В общественном сознании при определенных социальных условиях оно вырастает в модное увлечение, отражается в возникающих на его почве учениях. В настоящее время мы являемся свидетелями возрождения такого интереса, в частности, к спиритизму. Поэтому работа отечественного философа, посвященная его научному анализу, несомненно, не потеряла своей актуальности.

Убеждение, что можно вызвать духов и с ними общаться, исторически пришло в Россию, конечно, с Запада. Спиритизм возникает в США и Франции в середине XIX века, в России получил распространение среди образованных слоев общества во второй половине 70-х годов. В это время благодаря энтузиазму А. Н. Аксакова, публициста, переводчика, интересовавшегося медиумизмом с 1855 года, возник немногочисленный кружок увлеченных спиритизмом. Деятельность кружка способствовала массовому распространению интереса к нему. Вера в спиритические явления среди интеллигенции поддерживалась авторитетом крупных *ученых-естествоиспытателей*. Основания данного феномена были представлены в статьях 1875 года зоологом Н. П. Вагнером и химиком А. М. Бутлеровым, входившими в данный кружок. Страхов, понимая серьезность предложенных ими аргументов, отвечая на доводы известных научных авторитетов, дал всесторонний критический анализ учения. Критика велась с научных позиций, причем его контраргументы весьма поучительны и актуальны для нашего времени, когда, например, не прекращаются экспериментальные попытки взвесить душу.

Возник интересный парадокс. Ученые предложили, с их точки зрения, *научные доводы* в пользу реальности медиумических явлений и попытались ввести спиритизм в сферу *научного* знания, а Страховым доказывается, что учение есть явный *враг научных начал*. Обратим внимание: мыслитель, выступая как методолог, настаивал, что наука не только средство опровержения лжеучений и объяснения заблуждений, но одновременно *она должна утверждать* найденные ею истины и принципы. Он требует от сторонников спиритизма точно определить понятия и точно сформулировать принципы, философские начала, из которых они исходят, на которые они опираются.

Прежде всего, Страхов обозначает основания спиритизма, которые выдвигались защитниками. При этом он прямо опирался на статьи этих ученых, опубликованных в «Русском вестнике» (1875). Примечательно, что методолог верно выделяет как вненаучные предпосылки, из которых приверженцы исходили, так и выдвигаемые ими методологические принципы исследования. В 1-м письме о спиритизме под названием «Идолы» среди «главнейших начал» выделяются: 1) наука, 2) авторитет ученых, 3) прогресс человеческого знания, 4) эмпирический метод, 5) свобода исследования, 6) позитивизм [см.: 4, с. 5–6].

В качестве исходных посылок совершенно справедливо отмечается, что мировоззренческую установку апологетов медиумизма можно охарактеризовать как сциентистскую. При этом им дается краткая, но точная характеристика сциентизма: «За наукой признается верховный и всеобщий авторитет абсолютно во всех вопросах». Страхов оценивает науку следующим образом: «*Наука* есть дело великое, хотя и не наилучшее, и не наивысшее из человеческих дел» [4, с. 9]. Таким образом, согласно Страхову, существует и наивысшее из человеческих дел. Что же это за дело? Обратим внимание на этот момент, так как философ часто оценивается как сугубо религиозный мыслитель. В данном случае у него имелась возможность сопоставить науку и религию, тем более что медиумизм обращался к вопросам, относящимся к религиозной сфере. Однако у мыслителя таким наилучшим и наивысшим из человеческих дел является философия. Несостоятельность претензий представителей конкретных наук на решение всех естественно-научных и социальных проблем показал А. И. Герцен («Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы»). Не без влияния Гегеля и Герцена Страхов уже в ранних работах демонстрировал эту несостоятельность. По его мнению, наукой стремилась стать и могла стать только философия, причем более высокое положение философии объясняется прежде всего ее методологической ролью: именно она решает вопрос о границах и свойствах познания, указывает пути научного исследования.

Первое названное автором книги основание предполагает второй идол – авторитет ученых. Анализ данного основания медиумизма, как ни странно, представляет интерес и ныне. Страхов

утверждает, что жрецы науки не имеют права на какой-то особенный, высокий авторитет. Ученые являются авторитетами в своей конкретной области научного знания, а как люди они могут ошибаться, иметь предрассудки. «Притязания ученых обыкновенно выше их сил, а предрассудки тем упорнее, чем выше их притязания. Каждая специальность ограничивает кругозор человека и внушает ему особые предубеждения, так что едва ли не легче представить себе простого человека без предрассудков, чем ученого» [4, с. 9–10]. О цеховой узости взглядов, подходов писал А. И. Герцен в работе «Дилетантизм в науке». В нашем социуме и ныне в общественном мнении представляется нормальным, что поэт в России больше, чем поэт, что крупный физик или известный артист претендуют на то, чтобы быть высшей инстанцией в решении социально-политических проблем. В действительности социальная жизнь и человек представляют собой одни из самых сложных феноменов, которые трудно понять и объяснить, для этого недостаточно быть гением в физике, гениально играть на сцене или быть олимпийским чемпионом.

Логично отмечается обращение к позитивизму с его концептом положительного знания. Страхов приводит цитату из статьи Н. П. Вагнера, в которой выделяются такие черты позитивистской философии, как отрицание метафизики, опора только на эмпирические факты. Эмпиризм вычленяется как важнейшее методологическое основание, которым руководствовались ученые – сторонники спиритизма. Такой идол, как «чистые факты», также существует и поныне. Критикуя «голый эмпиризм», философ обращается к идеям, которые обосновывались им в ранних работах по методологии научного познания [5, 6]. Он утверждает невозможность «голых фактов» в науке.

Критик медиумизма также справедливо фиксирует ссылку адептов на прогресс человеческого знания. Они апеллируют к тому, что науки, развиваясь, открывают и осваивают новые области, и спиритизм оказался в их числе. Ученых, отказывающихся признавать научными «факты» наблюдения медиумических явлений, защитники спиритизма называют догматиками. Бутлеров повторяет свою аргументацию ученого-экспериментатора; для него вопрос, что возможно и что невозможно в мире явлений, выясняется только путем фактов. А Страхов, по его мнению, считает правильным игнорировать явления, не согласующиеся с его умозрением; эта позиция есть «бунт против науки» [см.: 1, с. 109–239]. При свойственном ему диалектическом понимании процесса познания отечественный методолог видит существенную ошибку в аргументации защитников, это *релятивистская* трактовка научного прогресса. Люди, отмечает он, «перестают признавать постоянство и неизменность чего бы то ни было». «Беспрестанно являются новаторы, которые пытаются радикально изменить самую природу тех или других вещей; так и спириты уже предлагают нам отказаться от нашей физики и механики, и скоро дело, кажется, дойдет до отрицания логики и до реформы таблицы умножения» [4, с. 10].

Называется еще один «идол» – принцип свободы исследования, кажущийся верным. Согласно ему, ученые вольны изучать любые явления. Натуралистам ничто не препятствует ни в их изысканиях, ни в выражении мыслей. Если им не препятствуют люди, то, значит, их ограничивают какие-то принципы, логика или здравый смысл. Если так, «то их взывания к идолу свободы – напрасные мольбы» [4, с. 11].

Вспоминая Френсиса Бэкона, философ называет исходные гносеологические принципы медиумизма идолами, мифическими созданиями XIX века. И сейчас верят в них так же слепо, как верили в другие века в свои мифы и свои предрассудки. Критик демонстрирует несостоятельность этих идолов массового сознания и ученого сообщества, шаткость оснований спиритизма. Книга Страхова представляет собой попытку научно осмыслить феномен спиритизма, поэтому он, прежде всего, ставит вопрос: что такое спиритические явления:

1. Это естественные явления, образующие только новую область подобно тому, как некогда новой областью были явления электрические и т. д.?

2. Или это сверхъестественные явления, чудеса, и поэтому не подчиняющиеся законам природы?

Иными словами, главный пункт спора сторонников и противников медиумизма лежал в гносеологии, поскольку авторитетные в своей конкретной науке ученые пытались доказать, что медиумизм есть научный факт.

Чтобы ответить на вопрос, к каким явлениям относится демонстрируемое на спиритических сеансах, по мнению автора книги «О вечных истинах», следует знать законы, свойства природных объектов, и тогда, исходя из них, можно будет решить, принадлежит данное явление к естественным явлениям или нет. Но ученые-спириты почему-то уклоняются даже от

постановки данного вопроса, твердя: «Это новые факты». Они говорят: «Мы не знаем, что возможно, а что – нет». Это заявление, по справедливому замечанию критика, означает: «Возможно все». По сути, релятивистскую интерпретацию процесса познания ясно выразил зоолог Н. П. Вагнер, утверждая, что в науке нет ни одного закона, никакой истины, никакого общего положения, которое не могло бы быть изменено и опровергнуто дальнейшими исследованиями. Провозглашая себя сторонниками научного прогресса, поклонники медиумизма, видимо, полагали, что это и есть истинное проявление свободы мнений. Н. Н. Страхов, обладая высокой философской культурой, понимая диалектику познавательного процесса, отчетливо осознавал, что ученые – апологеты спиритизма релятивизируют этот процесс, что приведет к скептицизму и разрушению науки, ибо ее цель – достижение объективной истины. В противоположность эпистемологическому релятивизму в работе «О вечных истинах» доказывается, что «в науках существуют неизменные истины, такие общие положения, такие законы, теоремы, которые никогда и ни в каком случае не могут оказаться ложными, которые остались неприкосновенными, несмотря ни на какие дальнейшие наблюдения и следования» [4, с. 37]. Это точка, с которой, считает методолог, могло начаться действительное исследование предмета. В качестве непреложных истин приводятся примеры: утверждение «Всякое изменение имеет причину» и закон сохранения вещества. Основываясь на непреложных истинах, естествоиспытатели и не признают «фактов спиритов». В ответ сторонники спиритизма и в XIX, и в XXI веках обвиняют этих исследователей в догматизме, в «чрезмерных притязаниях» на обладание истиной. А. М. Бутлеров называл их «жрецами науки», учеными, претендующими на ту же роль, что и жрецы в далеком прошлом.

Адептам спиритизма очень хотелось доказать, что явления медиумизма – это научные факты, вписать его в рамки науки, что позволило бы, по мысли А. М. Бутлерова, ликвидировать противоречия между наукой и религией. Показывая несостоятельность этих претензий, Страхов вскрывает ошибку ученых-спиритов – их понимание фактов. Н. П. Вагнер весьма отчетливо выражает это понимание, у него истины науки – «это какие-то факты, какие-то эмпирические данные». Но тогда, настаивал критик, необходимо «объявить себя в науке чистыми эмпириками» и отвергать какие бы то ни было непреложные истины, что подорвет науку. В одной из своих многочисленных статей по медиумизму Бутлеров писал: «В науке бесспорны факты, а выводы всегда подлежат обсуждению и критике; между тем научный догматизм эти-то выводы и делает предметом слепой веры [1, с. 292]. Примечательно, что известный ученый не понимает, что для него самого характерна слепая вера, но в факты, в непосредственно чувственно данное.

Согласно Бутлерову, медиумические явления реальны и доказывают самостоятельное, независимое от вещества существование духовной силы. Страхов же указывает, что духовные силы на то и духовные, что не материальны, не могут осуществлять какие-то физические усилия. Философией и естествознанием установлено, что душа – явление духовное, она не имеет физических свойств, которые приписывают ей адепты этого увлечения. Духовные явления не могут говорить, двигать столы, блюда и т. д. На сеансах эти являющиеся силы приводят в движение мебель, разговаривают и т. д. Страховым доказывается, что факты, приводимые приверженцами медиумизма, в существование которых они верят, противоречат законам физики; с точки зрения принципов, на которые опирается наука, они невозможны. Сила неотделима от вещества. Нет физических причин, производящих медиумические звуки, физические явления медиумического характера необъяснимы из законов физического мира и «происходят» вопреки этим законам. Критик убеждает своих противников, что они находятся на неверном пути в поисках духовного самостоятельного мира, что им необходимо искать другой выход, вне науки. Бутлеров возражает, оставаясь на почве эмпиризма: «Я утверждаю далее, что путь наш ведет не к отрицанию физики и умозрения, а к расширению науки и к *здравому* умозрению, чуждому узкой самодовольной уверенности в несуществовании того, с чем оно еще не знакомо» [цит. по: 4, с. 92–93]. Он идет от фактов, которые считает несомненными, научными, к «заключениям» о шаткости некоторых современных «основ», о недостаточности известных законов. Ученый-химик, перефразируя Страхова, заявляет, что именно отрицающие медиумические явления должны оставить дорогу, на которую вышли, т. е. должны отказаться от априористического отрицания фактов, и что им необходимо искать другой выход – терпеливо и добросовестно познакомиться с фактами.

Выдающийся химик в мире ищет духовное начало. И ищет он его, в сущности, в физическом мире. По утверждению зоолога Вагнера, в спиритических фактах ни много ни мало «открываются высшие регулирующие начала», с них разворачиваются иные горизонты и начина-

ется новая наука, к которой все наши земные, «перегородочные науки служат только вступлением или преддверием». Мы видим, что ученый, адепт спиритизма, жаждет полной свободы от земных наук, ибо жаждет другой науки – с другими высшими законами и началами. Страхов верно отмечает, что за этим скрывается стремление естествоиспытателей с помощью такого средства, как наука, удовлетворить иные душевные стремления, нежели чистое служение науке. Автор книги «О вечных истинах» подчеркивает, что, ища духовное начало, удовлетворяющее человеческие «душевные требования» натуралистов, не надо опровергать физику, отрицать умозрение. Истинный ученый тот, кто полностью подчиняется научному методу и научным принципам. Критик делает следующее важное замечание: спиритам захотелось от науки большего, чем она дает, они вышли за ее границы, преувеличили ее значение. Перейдя границы науки, пытаясь расширить ее область, они в результате стали, сами того не желая, ее разрушать и пришли к скептицизму, к отрицанию истинного знания. Критик медиумизма, владея диалектикой, демонстрирует понимание, что отрицание абсолютной истины означает отрицание истины вообще, т. е. объективной истины. Понимание истинных возможностей науки связано с пониманием ее истинных границ [см.: 4, с. 45]. Мыслитель справедливо констатирует, что наука не ищет свободы в вагнеровском смысле, она, наоборот, ищет точности, строгости и последовательности.

Если мы во имя неизвестных будущих наук будем считать неверными и шаткими все фундаментальные положения существующих наук, то прямым следствием такого подхода, предупреждает отечественный методолог, окажется полный скептицизм, который, по его мнению, противоречит самой идее науки. «Наука предполагает возможность познания; истины ею добытые, могут быть дополнены, расширены, обобщены, но не выкинуты за борт, как негодные. <...> Одним словом, хотя и много нового может быть на свете, но оно никогда не будет противоречить тому, что мы знаем несомненно» [4, с. 50]. Он настаивает, что признание непреложных истин не противоречит «свободному движению науки», не обрекает ее на застой.

Уверенные в безграничных возможностях «новой» науки спириты и все, кто исповедует подобные взгляды, пишет мыслитель, не понимают, что наука не объемлет того, что «для нас всего важнее, всего существеннее, не объемлет *жизни*. Вне науки находится главная сторона нашего бытия, то, что составляет нашу судьбу, то, что мы называем Богом, совестью, нашим счастьем, нашим достоинством» [4, с. 54]. И в этой сфере жизни человека действуют истины другого рода, нежели истины научного познания. Таким образом, философ отмечает, что существует не только научное, но и вненаучное знание, удовлетворяющее другие потребности людей.

В целом можно констатировать, что именно Н. Н. Страхов поднял изучение спиритизма на научный уровень. Анализируя этот сохраняющий свою живучесть и в начале XXI века феномен массового сознания, мыслитель затрагивает множество важных философских проблем, прежде всего методологических. К его заслугам нужно отнести то, что он первым в философии начал разработку проблемы соотношения научного, вненаучного и псевдонаучного знания. Отечественный философ впервые развернуто, всесторонне проанализировав мировоззренческие, методологические основания спиритизма, верно определил его фактически как пример псевдонаучного знания, показал его негативную роль по отношению к науке, ее основаниям. В его философии науки продолжается осмысление соотношения эмпирического знания и умозрения. Заслугой Страхова в рамках его критики спиритизма является критика эмпиризма, при которой показывается сущностная связь эмпиризма со скептицизмом, разрушающим науку. В связи с этим им поставлена эпистемологическая проблема научного факта. Отечественный мыслитель ярко показал несостоятельность «чистого эмпиризма» в научном познании, его следствия. В новых условиях распространения релятивистской интерпретации научного познания заслуживает наивысшей оценки его анализ проблемы соотношения абсолютной и относительной истины. Мыслитель обращает внимание на роль абсолютной истины. Он диалектически связывает истину и абсолютную истину, демонстрируя понимание того, что отрицание абсолютной истины означает и отрицание истины вообще.

Страхов, обладая высоким уровнем философской культуры и естественно-научным биологическим образованием, дал всесторонний научный анализ спиритизма. Этот анализ сохраняет свою актуальность. В настоящее время было бы полезно широкое знакомство с данной книгой русского философа. Однако в публикациях по истории спиритизма в России его имя, к сожалению, не упоминается. Жаль, что книга остается известной весьма небольшому числу историков русской философии, вплотную изучающих философское творчество Страхова.

Список литературы

1. Бутлеров А. М. Эмпиризм и догматизм в области медиумизма // Статьи по медиумизму. СПб. : Тип. В. Демакова, 1889. 473 с.
2. Н. Н. Страхов: *pro et contra* : антология / сост., вступ. ст., коммент. С. М. Климовой. СПб. : РХГА, 2021. 852 с.
3. Пружинин Б. И., Гачева А. Г., Грякалов А. А. и др. Актуальные проблемы исследования философии Н. Н. Страхова (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 92–122.
4. Страхов Н. Н. О вечных истинах. Мой спор о спиритизме. СПб. : Типография бр. Пантелеевых, 1887. 130 с.
5. Страхов Н. Н. Вещество по учению материалистов // Время. 1863. № 3. С. 191–234.
6. Страхов Н. Н. О простых телах. Статья первая // Отечественные записки. 1865. Август. Кн. 2. С. 605–625; О простых телах. Статья вторая и последняя // Отечественные записки. 1865. Декабрь. Кн. 2. С. 666–678.

Analysis of Spiritualism in the philosophical work of Nikolai Strakhov

Snetova Nina Vasilyevna

PhD in Philosophy, associate professor of the Department of History and Philosophy, Perm State Medical University n. a. E. A. Wagner. Russia, Perm, ORCID: 0000-0001-5935-7168. E-mail: snetova@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of the philosophy of science and the criticism of the philosophical and methodological foundations of spiritualism in the works of the Russian thinker N. N. Strakhov in the second half of the 19th century. Fascinations with mysticism and spiritualism are characteristic of our time, so the topic of the article is very relevant.

Despite the fact that there have been quite a few articles and three monographs published on the work of this Russian philosopher in recent years, various assessments of his philosophical views still exist. Since the 90s, there has been a predominance of an assessment of the thinker as a religious philosopher.

However, his philosophical views are inconsistent, and theirs it is impossible to determine unambiguously. In particular, the philosophy of science occupies an important place in Strakhov's work. These ideas were developed from a scientific, philosophical, and not religious standpoint. The critic of spiritualism analyzes the justification of spiritualism in the articles of famous scientists, A. M. Butlerov and N. P. Wagner. Their authority in science contributed to the strengthening of spiritualism in Russia. The author highlights that Strakhov accurately identified the foundations of spiritualism, which were put forward by the naturalists, and convincingly showed their inconsistency from a scientific point of view. Both famous scientists sought to prove that mediumistic phenomena are a scientific fact. In their opinion, this indicated that the spiritual force can act independently of material bodies and, therefore, there is a special spiritual world. However, Strakhov convincingly demonstrated that these phenomena contradict the laws of science. The article emphasizes that the Russian philosopher raised criticism of spiritualism to a scientific level and precisely defined it as a pseudoscientific teaching.

Keywords: history of Russian philosophy, philosophy of science, methodology, N. N. Strakhov, criticism of spiritualism.

References

1. Butlerov A. M. *Empirizm i dogmatizm v oblasti mediumizma* [Empiricism and dogmatism in the field of mediumship] // *Stat'i po mediumizmu* – Articles on mediumship. SPb., Type. V. Demakova, 1889, 473 p.
2. N. N. Strakhov: *pro et contra, antologiya* [N. N. Strakhov: pro et contra : anthology] / compiled, introduction, commentary by S. M. Klimova. SPb: RHGA, 2021. 852 p.
3. Pruzhinin B. I., Gacheva A. G., Gryakalov A. A., et al. *Aktual'nye problemy issledovaniya filosofii N. N. Strakhova (materialy "kruglogo stola")* [Actual problems of the study of N. N. Strakhov's philosophy (materials of the round table)] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 2024. No. 8. Pp. 92–122.
4. Strakhov N. N. *O vechnykh istinakh. Moj spor o spiritizme* [On Eternal Truths. My Debate on Spiritualism]. SPb., Panteleev Brothers Printing House. 1887. 130 p.
5. Strakhov N. N. *Veshchestvo po ucheniyu materialistov* [Substance according to the teachings of materialists] // *Vremya* – Time. 1863. No. 3. Pp. 191–234.
6. Strakhov N. N. *O prostykh telakh. Stat'ya pervaya* [On Simple Bodies. Article One] // *Otechestvennye zapiski*. 1865. Avgust. Kn. 2. S. 605–625; *O prostykh telakh. Stat'ya vtoraya i poslednyaya* – *Otechestvennye zapiski*. 1865. Avgust. Kn. 2. S. 605–625; *O prostykh telakh. Stat'ya vtoraya i poslednyaya* – *Otechestvennye zapiski*. 1865. Avgust. Kn. 2. S. 605–625; *O prostykh telakh. Stat'ya vtoraya i poslednyaya* // *Otechestvennye zapiski* – *Otechestvennye zapiski*. 1865. December. Book. 2. Pp. 666–678.

Поступила в редакцию: 06.11.2025

Принята к публикации: 05.12.2025